

в то лето - падь, лиманы, мелкие озёрца. Коров поили из колодцев, а к вечеру и в них кончалась вода. Какая ж работа в такую жару?.. А тут ещё пауты, что «мессершмитты», гудят непрерывно и жалят до крови.

Шли Варначата на покос, как на каторгу. Не торопясь, почесываясь. Едва свернули на дорогу к заимке, Зинка захныкала:

- Амос, Амоська-а!

- Чего тебе? - не оборачиваясь, спросил брат.

- Давай водички попьём?

- Обойдёшься! - отрезал Амос. - Работнички, язвы их... Ещё до покоса не доползла, а уже пить подавай...

Зинка примолкла, недовольно сопя. Петька смахнул со лба пот, циркнул слюной, продолжая жевать застарелый стебель кислики-травы. Петька вообще жевал всё, что попадалось. Варнаки жили не лучше других, да к тому же, не умея растягивать еду, чаще сидели без хлеба.

Дорога провела ребятишек через две мочажинки, раньше всегда сырые и чавкающие, а теперь сухие до гула. Перевалили они бугор, около которого их сосед Сёмушка когда-то потерял Красульку Слободкиных. Спустившись с бугра, они попали в глубокий и узкий овражек, по дну которого обычно сочилась вода.

- Гля, и родник высох! - указал Петька на галечник. - Только мокрое место осталось... Во печёт!

- Вода пробиваться не успевает, - авторитетно пояснил Амос. - Только поднимается и тут же - в пар...

- Амоська! - опять подала голос Зинка. - Давай отдохнём тут, а?

Брат промолчал, но, перейдя через мокрое пятно, остановился на другом склоне овражка, под тенью высокого дуба. Поставил бидон под дерево и сел на траву, вздохнув озабоченно по-взрослому. Петька швырнул грабли на бугор, куда взбиралась дорога, и, растянувшись на траве, объявил:

- Перекур!

- Ага... Я вот мамке скажу, - неосторожно пообещала Зинка.

Но Петька был настроен миролюбиво:

- Мы же понарошке. Перекур - значит отдых. А покурить мы и без тебя могли бы.

- Не лежи, не лежи на земле! - затормошила Зинка брата. - Мамка сказывала, на сырой земле нельзя валяться, простыть можно...

- Ты, старуха сопливая, не жужжала бы, - отмахнулся Петька. - Сырая земля... С чего же ей быть сырой? Вот и родника, видишь, не стало.

Вертя вытащенную из кармана рогатку и несколько кругленьких, ещё на линии подобранных камешков, Амос возразил брату:

- Это ты, Петька, сбрыхнул. Земля всё равно сырая. Если бы земля высохла, так и деревья, и кусты посохли бы. А вот не сохнут. Значит, находят воду в земле.

- И здесь вода есть, под нами? - спросила Зинка.

- А как же...

- Только ты рот пока не разевай, - посоветовал Петька сестре. - Мы же

не можем вытягивать воду, как деревья... Эх, вот бы такую трубу, чтобы вроде корня была! Воткнул её где хочешь - и пей. Ни корове, ни домой тогда не надо было бы воду таскать. Не житуха - лафа!

Над ребятами плавилось голубое небо с редкими комочками белоснежных облаков. Зинка пощурилась на них и повернулась к Амосу, которому верила больше, чем Петьке:

- А вот чего там есть, за потемишными аж облаками? Боженька, да, Амос?

- Там атмосфера, - объяснил тот. - А ещё выше - стратосфера.

- А это кто? - попробовала уточнить Зинка.

- Балда - вот кто! - прекращая научные объяснения, отрубил Амос. - Ничего там нет.

- Зинка, а во-он на том облаке чёрт сидит, видишь? - спросил Петька, тыкая в небо рукой.

Зинка, надув губы, буркнула:

- Сам ты чёрт... Да ещё рыжий!

- Поговори мне! - отозвался Петька, которому просто не хотелось вставать, чтобы отвесить сестре оплеуху.

Лёгкое колебание воздуха и тихий трепет крыльев остановили начавшуюся перебранку, и ребята увидели дикого голубя, севшего на мокрое место в овраге. Он не заметил людей и чувствовал себя в безопасности. Посидев неподвижно и настороженно, голубь несколько раз качнул головкой, переступая розовыми лапками, прошёлся по влажному пятну, разглядывая его и опуская клюв к камешкам.

- Петушок-то, петушок! - зашептал Петька, и глаза его загорелись охотничьим азартом.

Таких голубей Варначата добывали на линии, подстреливая их из допотопной, древних времен одностволки. Промышлять их первым начал Амос, где-то вычитавший, что голубь, как перепёлка или бекас, - самая настоящая барская еда. А теперь, по военному времени, она была ещё лучше барской. Пища сама просилась в котёл, и Петька заторопил брата:

- Рогатку давай, рогатку!

Амос молча оттолкнул Петькину руку, зажав кожанку с камнем, начал медленно поднимать рогатулину, чтобы выцелить птицу получше. Младшие затихли, ожидая, что вот сейчас натянутся две красные полоски резины, хлопнет отпущенная кожанка - и камень с силой ударит по цели. И на ужин будет у них борщ, хотя из крапивы, но с мясом.

- Ну чего ты? - дёрнулся Петька. - Улетит же... Бей!

Но Амос вдруг опустил руку.

- Не улетит... Видишь - он пить хочет...

- Я тоже хочу, - шепнула Зинка, но её никто не услышал. В шесть глаз, но уже с другим интересом ребяташки наблюдали за птицей. Теперь они увидели, что голубь ходит с опущенными кончиками крыльев и перья его не поблёскивают, как обычно. Клюв птицы раскрыт, и, переступая лапками, она вроде сердится, не понимая, куда подевалась вода.

- Давайте ему водички нальём! - опять шепнула Зинка, забывшая, что и сама хотела пить.

- Это ж не курица! - возразил Петька. - Как ты будешь его поить? Может, домой, за блюдечком сбегаешь?

- В песочек нальём...

Петька только головой покачал, каждой своей конопатиной выражая насмешку над такой глупостью. Но Амос тихонько сказал:

- А напоить его можно...

Сунув рогатку в карман, он потянулся к белому узелку и вытащил стеклянную банку с картофельными драниками, которые они несли отцу. Высыпав драники в платок, он тут же завязал его на два узла, оберегая себя и других от искушения отщипнуть по кусочку.

- Там, где мокрее, где сам родничок, выроем ямку, - объяснил он Петьке. Зинка в расчёт не шла, как всегда при решении важных дел. - В ямку поставим банку. Вода будет в неё наливаться и уже сразу-то и не высохнет. Понял?

- Точно! - подхватился Петька, вспугнув голубя. - Я так у озера делал. Там, наверху, бывает песок совсем сухой, а копнёшь - сыро, копнёшь ещё глубже - и глядишь, вода собирается...

- Про то тебе и толкую...

Ребятишки спустились на дно овражка. Разгребая камешки и песок, стали искать самое влажное место. Теперь они вышли из тени, и солнце жгло их немилосердно. Но, не замечая палящего жара, склонив рыжие головы, Варначата торопились сделать доброе дело.

- Вот тут родник, - решительно проговорил Амос. Петька с Зинкой посмотрели в его ямку, потом в свои и согласно закивали: в Амосовой ямке было сырее и вода просто сочилась со стенок. Амос воткнул в ямку банку и насыпал в неё камешков.

- Так она скорее наполнится, - пояснил он.

Амос аккуратно подогнал горловину банки к краям углубления и, закончив работу, довольный, сказал:

- Порядок!

- Пор-рядок! - согласился и Петька, бросая вверх свою бескозырку. - Пусть теперь прилетают!

Зинка посчитала момент удобным, чтобы напомнить о себе.

- А давайте ливнем в банку воды из бидона, - предложила она, вытирая с курносины пот. - И я немного пивну... Ну, чуть-чутьочку, а, Амос?

- У-у, помощница...

Шагнув наверх, Амос выхватил из тени бидон и, открыв крышку, дал сестре напиться. Потом из крышки налил воды в банку.

- Вода воду потянет, - проговорил он усмехаясь. Опять схоронившись в кустах, ребятишки затихли, желая скорее увидеть результат своего труда. Сидели молча, затаив дыхание. Только Петька, глянув на солнце, заметил:

- Батька с косьём встречать будет. Опять скажет, что нас хорошо посылать только за смертью...

- Не гунди, - буркнул Амос. - Смотри вон!

У родничка уже сидел юркий трудяга поползень. Попрыгав на кучке песка, он повертел приплюснутой головой с крепким клювом и прыгнул на край банки. Ребятишки видели, как птаха жадно припала к блестящему пятну воды, а потом плюхнулась в неё и затормошилась, взбивая брызги.

- Вот гад! - прошипел Петька. - Напился, а потом и купаться залез... А другим чё?

Но поползень уже опять был на кучке и с торжеством просвистел: «Цвить-я, цвить-я!». А Варначатам в его бесхитростном пении слышалось утверждающее и зовущее: «Пить здесь, пить есть!».

И, словно откликаясь на этот зов, из кустов выпорхнул малюсенький королёк, потом появились жаворонок и ярко раскрашенная птичка с жёлтым брюшком. Суматошась, они припадали к воде, пили и, отходя, начинали прихорашиваться.

После других прилетел и голубь. Он опасливо огляделся, покачивая головкой, подобрался к банке и, не обращая внимания на мелюзгу, начал пить. Напившись, тоже отошёл в сторонку, встряхнулся, распушив перья, и проворковал, может, подзывая голубку.

Шесть серых глаз с восторгом смотрели на птиц, радуясь своей смекалке и делу проворных рук.

Чуть погода, Амос заворочался, негромко позвал:

- Айда уж... Сено само сгребаться не будет...

Поднявшись, три работника скрылись за гребнем косогора. А внизу, за их спинами, сверкала, отражая солнышко, собранная в банку вода.